
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Общие вопросы

УДК 338:620.9
DOI: 10.31249/espr/2022.01.01

М.В. Вилисов*

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы, экономические и политические аспекты концепций «зеленой» экономики, «зеленого» роста и «энергетического перехода», а также их соотношение. Определяются основные подходы к внедрению инструментов «зеленой» экономики в государственную политику современной России под влиянием текущей геополитической ситуации. Дается оценка идеологической составляющей концепции «зеленой» экономики и формированию политических мифов вокруг нее.

Ключевые слова: «зеленая» экономика; «зеленый» рост; энергетический переход; трансграничное углеродное регулирование.

Для цитирования: Вилисов М.В. Мифы и реальность «зеленой» экономики // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 1. – С. 14–25.

M.V. Vilisov

Myths and reality of the green economy

Abstract. The article presents the theoretical foundations of the concepts, economic and political aspects of green economy, green growth and energy transition, as well as their relationship. The main approaches to the introduction of the green economy instruments into the state policy of modern Russia under the current geopolitical situation are determined. An assessment of the ideological concept of the concept of green economy and the formation of policies around it is given.

Keywords: green economy; green growth; energy transition; carbon border adjustment mechanism.

For citation: Vilisov M.V. Myths and reality of the green economy // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 1. – P. 14–25.

* **Вилисов Максим Владимирович**, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: mvilisov@mail.ru

Vilisov Maxim, PhD (Polit. Sci.), Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Введение

Пандемия COVID-19 существенно активизировала дискуссию о перспективах мирового политического, экономического и социального развития, выступив катализатором многих процессов, в том числе весьма противоречивых.

На фоне разговоров о рисках цифровизации и пределах ограничения прав человека в целях борьбы с пандемией, неожиданно интенсивно стала обсуждаться «зеленая» повестка. Популярными стали разговоры о необходимости противодействовать изменению климата и не допустить связанных с ним масштабных бедствий, подобных пандемии. Общая логика таких рассуждений охватывает два основных момента:

– ситуация локдауна и резкого снижения экономической активности предоставляет возможность сократить потребление в целом и, как следствие, ускорить процесс декарбонизации и быстрее пройти «пик ископаемого топлива» [Can covid help ... , 2020];

– необходимость совместно противостоять пандемии должна научить человечество соединять усилия для борьбы с другими вызовами, такими как глобальное потепление [Lehne, 2021].

Эти презумпции быстро вошли в медийную и политическую повестку и зачастую позиционировались как безусловно важные, а иногда – единственно возможные темы, по которым, например, США и Россия еще могут разговаривать и договариваться [Kottasowa, 2021].

Однако насколько они близки к реальности? Не является ли активизация этой дискуссии, затрагивающей еще не решенные проблемы и не показавшей пока даже готовности к глобальному консенсусу и кооперации, всего лишь попыткой продвижения (навязывания?) определенной политической повестки? Причем повестки во многом идеологической, не основанной на рациональном анализе, а апеллирующей к эмоциям и символам, характерным скорее для политических мифов, чем для ценностных основ политического курса и формирования соответствующей экономической политики?

В статье последовательно рассматриваются теоретические основы и содержание концепции «зеленой» экономики в мире и в России, а также идеологическое измерение этого вопроса. Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: в чем надуманность (мифичность), а в чем обоснованность (реальность) концепции «зеленой» экономики с точки зрения государственной политики?

Теоретические основы «зеленой» экономики

Теоретические основы концепции «зеленой» экономики были сформулированы в конце 1980 – начале 1990-х годов [Ferguson, 2015, p. 17–18; Коданева, 2020, с. 10–11]. Именно тогда были определены главные прин-

ципы, обозначавшие новое отношение к окружающей среде и необходимость обеспечивать такое развитие сегодня, которое не лишало бы ресурсов будущие поколения, а также такой рост, который не приводил бы к неприемлемым социальным и экологическим издержкам – т.е. формировал бы предпосылки для сбалансированного, устойчивого развития [Ferguson, 2015, p. 18]. Изначально понимаемые как баланс между экономикой, экологией и социальной сферой, они легли в основу концепции устойчивого развития ООН [Коданева, 2020, с. 11]. Последняя сейчас фактически определяет этот вектор мирового развития – посредством конкретизации глобальных целей устойчивого развития и принимаемых в соответствии с ними программ устойчивого развития отдельных государств. В инвестиционной и корпоративной сферах баланс между экологическим или природным (Environmental), социальным (Social) и управленческим (Governmental) компонентами любой экономической активности впоследствии стал ядром концепции ESG. В настоящее время она служит для направления развития бизнеса, в том числе в России [Коданева, 2020, с. 106–107]. Сформированный в рамках ESG набор нефинансовых показателей используется инвесторами для оценки деятельности компаний с точки зрения устойчивого развития. Поэтому следование данной концепции позволяет последним привлекать больше инвестиций и обеспечивает более выигрышное публичное позиционирование.

Будучи притягательной с морально-этической точки зрения, концепция «зеленой» экономики содержит внутренние противоречия. Суть их сводится к следующему: что такое «устойчивость» и «развитие», как совместить экономический рост с появлением значительного числа дополнительных издержек, возникающих по экологической и социальной линии. Сама необходимость экономического роста при этом под сомнение не ставится, так как только он обеспечивает преодоление бедности, а последняя служит причиной дополнительного ущерба природе [Vida Verde: Обратная ... , 2020, с. 8] и социальной нестабильности.

Возникает также достаточно много вопросов относительно того, за счет каких именно инструментов и кем должны внедряться принципы «зеленой» экономики.

Пожалуй, ключевым подходом, который пытается разрешить эти противоречия, является концепция «зеленого» роста, получившая как минимум три основных теоретических воплощения [Ferguson, 2015, p. 19]:

– «зеленое кейнсианство» (государственное стимулирование экологически ориентированных экономических программ, особенно в периоды экономического кризиса и спада);

– «теория зеленого роста» (повышение стоимости так называемого «природного капитала» за счет увеличения налогообложения производств, не соответствующих целям такого роста);

– «зеленая индустриальная революция» (предложение компаниям и странам, внедряющим новые технологии, которые решают задачи «зеленого» роста, значительных преференций).

С представлениями о технологических трансформациях, которые должны сопровождать «зеленый» рост, тесно связаны идеи «энергетического перехода» (energy transition) – сокращения, а впоследствии отказа мира от ископаемых топлив (прежде всего – угля, а потом и нефти). Среди его различных причин особое место занимают соображения предотвращения изменения климата, так как при сжигании ископаемых топлив происходит выброс ряда газов (прежде всего – углекислого) и других соединений (так называемых парниковых газов), которые, как считается, ответственны за глобальное потепление [Mitrova, Melnikov, 2019].

Энергетический переход иногда представляют неким естественным процессом. Ископаемые топлива должны уступить дорогу другим, безили низкоуглеродным, таким как возобновляемые источники энергии (гидро-, ветро-, солнечная), возможно – ядерная и водородная энергетика [Global and Russian Energy Outlook, 2019]. Однако в отличие от предыдущих «энергетических переходов», обусловленных технологическими (физические и технические преимущества нового вида топлива) и экономическими (более высокая экономическая эффективность) причинами, нынешний переход обусловлен, прежде всего, соображениями политическими (и социальными), связанными, в том числе, с идеями «зеленой» экономики.

Энергетический переход основывается на отраженной в Парижском соглашении по климату (2015) позиции присоединившихся к нему национальных правительств относительно необходимости предотвращения изменения климата путем сокращения эмиссии парниковых газов. Хотя сам по себе этот процесс является весьма сложным, требующим применения комплексных мер не только в энергетике, но и в других секторах экономики – прежде всего в промышленности и сельском хозяйстве, – а также в социальной сфере.

Тем не менее страны Запада все больше отказываются от угольной энергетике. Добыча угля, а также деятельность электростанций, применяющих его в качестве топлива, сворачивается, и инвесторы перестают финансировать новые проекты в этой сфере [Порфирьев, 2016]. Германия в 2020 г. объявила о полном прекращении использования угля к 2038 г. [Бундестаг принял закон ... , 2020]; подобные планы существуют в США. Впрочем, холодная погода января-февраля 2021 г. внесла в них коррективы – ярким примером служит критическая ситуация, сложившаяся с энергообеспечением в Техасе во время беспрецедентных морозов [Рекордные морозы и снег ... , 2021]. Ненадежность солнечных и ветровых электростанций и их неспособность обеспечивать энергией в любое время дня и года вызывает у некоторых экспертов скепсис относительно самой идеи отказа от ископаемого топлива, в том числе от угля [Зеленая энергетика не

выдержала ... , 2021]. При этом в странах Азии (Китай, Индия) наблюдается обратный процесс – рост использования угля в качестве энергоносителя [Coal 2018: analysis ... , 2018]. Это вызвано во многом экономическими причинами – уголь сравнительно дешев, а азиатские электростанции, работающие на угле, более новые, чем в западных странах, и еще не вернули вложенных инвестиций. К тому же темпы экономического роста в Азии намного выше, так как сюда сместилось основное мировое промышленное производство, и для их поддержки необходимо наращивание энергетических мощностей. Оказывают влияние также соображения энергетической безопасности – наличие собственной добычи угля обеспечивает бесперебойность поставок.

Таким образом, налицо возможный конфликт между развитыми и развивающимися странами. Последним критически важна дешевая энергия (уголь), в то время как первые могут позволить себе технологическую модернизацию уже устаревшей угольной генерации.

Нефть была и остается в обозримом будущем главным энергоресурсом на планете благодаря своим физическим свойствам: высокой энергоемкости, простоте транспортировки и складирования, географической распространенности. Этим обусловлена высокая зависимость от нее любых развитых и растущих экономик. Разные теории – «теории пика нефти» (“peak oil theory”) [O’Leary, 2013], «теории пикового спроса на нефть» (“peak oil demand”) [Osborne, 2018] и др., – предсказывали драматические изменения на мировых нефтяных рынках. Однако долгосрочная перспектива, особенно на фоне пандемии, отличается неопределенностью и характеризуется возможностью резких скачков как спроса, так и предложения. Это создает стратегическую уязвимость стран-энергоэкспортеров, которая давно находится в фокусе повышенного внимания [The GeGaLo Index, 2019].

Можно найти и другие подобные противоречия, не все из которых пока разрешены на теоретическом уровне (хотя у сторонников энергетического перехода и «зеленой» экономики есть свои контраргументы).

Описанная ситуация показывает, насколько велик политический, если не волюнтаристский (субъективный) фактор в реализации принципов «зеленой» экономики на практике и насколько сильно она зависит от конкретных политических соображений. В этом контексте важно рассмотреть политические парадигмы реализации концепций «зеленой» экономики.

Политические парадигмы «зеленой» экономики

Парадигмы политики в данном случае предлагается понимать в трактовке Питера Холла [Hall, 1993] как «общие идеи, которые включают в себя представления об общем направлении, в котором должна идти политика, – о цели политики, а также о дополнительных политических инструментах, с помощью которых может быть реализована выбранная цель

политики» [Khmelnitskaya, 2021]. При таком подходе парадигмы политики значительно уже, чем концепции, стратегии и доктрины, которые в современном российском исполнении превращаются в объемные формализованные документы. Иными словами, парадигма – это краткая, но емкая идея, которую можно легко раскрыть на пресс-конференции или в газетной статье.

Первый момент, который необходимо отметить при анализе парадигм политики в рассматриваемой области, это то, что процесс их формирования в большинстве стран активизировался в последние два-три года. Это касается как развитых стран, прежде всего ЕС, так и постсоветских. Если в 2017–2018 гг. страны ЕАЭС в своих документах стратегического планирования уделяли внимание целям устойчивого развития лишь формально (а в России – даже формально не уделяли), то в 2020–2021 гг. ситуация, например, в России изменилась кардинально.

Катализатором стало намерение ЕС ввести «трансграничное углеродное регулирование» в рамках собственной стратегии безуглеродного развития – «Европейского зеленого курса» (European Green Deal), – которая является сейчас основным политическим инструментом реализации концепции «зеленой» экономики на практике. Экономическая природа этого налога объясняется упомянутой выше стратегией «зеленого» роста, призванной стимулировать развитие тех секторов, которые способствуют «озеленению» экономики, и сдерживать другие, которые не соответствуют этим целям. Сам факт принятия решения в ЕС о реализации «зеленого курса» является внутренним делом данного интеграционного объединения, и европейские компании давно уже платят такой налог. Однако в условиях глобальной экономики и глобальной конкуренции это с неизбежностью ведет к негативным последствиям для них, так как определяет более высокую, по сравнению с другими юрисдикциями, налоговую нагрузку. Для устранения этого несоответствия на собственном, европейском рынке ЕС планирует ввести «пограничный углеродный налог». С точки зрения внутренней политики ЕС такое решение выглядит логичным и обоснованным. Но оно неизбежно имеет последствия далеко за пределами ЕС и затрагивает интересы компаний из других стран, фактически распространяя на них соответствующие налоговые требования или закрывая доступ на европейский рынок.

Так, «пограничный углеродный налог» потенциально может стать большим экономическим бременем для российских экспортеров. Масштаб возможного ущерба оценивается в размере от 6 до 50 млрд евро в период до 2030 г. [Фадеева, 2020]. Подобное положение вещей не может не вызывать озабоченность у российского бизнеса и российских властей. Корреляция этого вопроса с проблемами вокруг достройки и эксплуатации газопровода «Северный поток – 2» и общая геополитическая напряженность по линии «Россия-ЕС-США» быстро вывели его на самый верхний

уровень российской политической повестки, поставив, казалось бы, известную дилемму: «экология против экономики».

Вместе с тем данный внешний вызов обнажает структурные диспропорции российской экономики: высокую долю сырьевого экспорта, низкую энергоэффективность, недостаточный уровень внедрения инструментов, стимулирующих позитивные экологические трансформации производственного сектора. В смысловом плане эта тематика также связана с «климатической политикой» (в контексте реализации Парижского соглашения по климату) и «энергетического перехода» как неизбежного в будущем отказа от ископаемого топлива.

Можно выделить три основные парадигмы, которые проявились при формировании российского ответа на данный вызов.

Первая парадигма – это отрицание необходимости как энергетического перехода, так и климатической политики в целом. Ее сторонники используют широкий набор аргументов: от статистических данных (которые показывают рост потребления углеводородов в последние годы) до обращения к научным моделям изменения климата (с целью показать преувеличение значимости антропогенного фактора) и даже апелляции к ее дискриминационному характеру в отношении России и растущих экономик стран Юго-Восточной Азии [Вилисов, 2020]. В качестве примера умеренных представителей, поддерживающих эту парадигму, можно привести публичную позицию экспертов Института проблем естественных монополий (ИПЕМ) [Предлагаемое ЕС трансграничное ... , 2021]. Надо сказать, что приводимые ими аргументы носят рациональный, научный характер.

Вторую парадигму можно назвать «безусловное принятие». Она предусматривает скорейшие трансформации в российской экономике, промышленности и энергетике – прежде всего путем копирования опыта других стран в формате «догоняющего развития» или очередной «модернизации сверху», чтобы «не упустить исторический момент» и «не остаться на обочине». Ярким представителем данной парадигмы в отечественном публичном пространстве можно назвать А.Б. Чубайса [Чубайс заявил о ... , 2021]. Определенный элемент рациональности в этой парадигме также присутствует. Россия обладает большим опытом догоняющего развития, который подсказывает, что можно «не успеть» за какими-то преобразованиями в развитых странах и проиграть стратегически, в том числе в части обеспечения национальной безопасности.

Третья парадигма – «адаптационная». Она включает согласие с возможными преобразованиями, в том числе в части «энергетического перехода», и более ответственное отношение к изменению климата, а также консервативную адаптацию к ним. Опорой последней служат преимущества сложившейся структуры экономики и актуальные национальные интересы, с фактическим их воспроизводством (консервацией) в будущем. Предполагается активная ставка на экспорт российского природного газа, (потребление которого будет расти в условиях «энергетического пере-

хода»), с последующей переориентацией на экспорт водорода, а также использование российского экологического потенциала для «карбоновых ферм» (специальные лесные участки, обеспечивающие поглощение углекислого газа). В публичном пространстве эту парадигму озвучил Л.А. Федун [Пятин, 2020]. Опять же, эта парадигма имеет под собой абсолютно рациональную, даже можно сказать прагматичную основу.

Последняя из описанных парадигм представляет собой некий «срединный путь» между первыми двумя, что не исключает возможности конкуренции между ними. Линии водораздела – это решения о взимании углеродной платы («спорить с ЕС и не вводить у себя»; «вводить как можно быстрее, чтобы стимулировать изменения»; «вводить, но с прицелом на международную торговлю углеродными единицами»). Цена вопроса – несколько миллиардов долларов в год потенциальных убытков российского бизнеса. Можно представить, насколько жаркие споры идут по этому поводу. Сначала они велись преимущественно в непубличном пространстве, но постепенно переводятся в публичную плоскость. Это, в свою очередь, создает риски того, что «экономика» победит «экологию», а «экономику» при этом может победить «политика». Для того чтобы объяснить, о чем идет речь, обратимся к теории.

Сторонники второй парадигмы более всего апеллируют к концепции устойчивого развития ООН, которая предусматривает все необходимые инструменты, в том числе финансовые и организационные (здесь очень часто делается ссылка на ESG-подход), для решения проблем, связанных с изменением климата и «энергетическим переходом». Однако реализация данной парадигмы способна привести к дополнительным экологическим и социально-экономическим издержкам для России просто в силу игнорирования проблемы адаптации к изменению климата, которое уже происходит (причем наиболее интенсивно – на севере страны). Эксперты отмечают, что существует другой подход – теория экологической модернизации, – которая является более системной с точки зрения решения экологических проблем. Она представляет собой модель менеджмента экологических рисков и политическую практику, сочетающую прямое административное управление и саморегулирование, самоограничения в потреблении и экономические преобразования, добровольно осуществляемые бизнесом [Буркова, 2019].

К сожалению, популяризацией этой теории, в том числе среди политических акторов, никто не занимается. Парадигмы политики формируются в отрыве от большинства предложений отечественной науки и в основном в реактивном режиме – в ответ на внешние вызовы. Конечно, в таких условиях сложно говорить о выработке и проведении последовательного политического курса по внедрению принципов «зеленой» экономики в России. Равно как и о формировании адекватных представлений о том, совпадают ли принятые теоретические конструкции с целями стратегического развития страны или нет.

Идеологическое измерение «зеленой» экономики

Теоретические концепции «зеленой» экономики формировались не в вакууме. Не свободны они и от определенного идеологического влияния, в том числе энвайронментализма (environmentalism) и других идеологических течений. Попав в сферу реальной политики, эти концепции начинают подвергаться политическому давлению со стороны избирателей, групп интересов и проч. Идеологемы и теоретические построения встречаются с реальными проблемами, конфликтами и необходимостью их решения.

Через призму такого подхода хорошо объясняются многие политические и практические решения, такие как «Европейский зеленый курс», введение углеродной платы и углеродных налогов, инструменты «зеленого» финансирования.

Основные акторы, обеспечивающие внедрение соответствующих инструментов, также достаточно понятны: это экономически развитые и политически влиятельные страны, а также крупные, в том числе транснациональные корпорации. Другим акторам просто не под силу осуществлять масштабные программы поддержки, вводить дополнительные налоги и поддерживать новые технологические компании.

Таким образом, «устойчивое развитие» превращается в стратегию движения «сверху вниз», предполагающую инициативу и лидерство в ее реализации за сильными и богатыми (ведущими мировыми державами, крупным бизнесом) с последующим вовлечением (или принуждением) менее ресурсных и сильных акторов, таких как развивающиеся страны, неправительственные организации, население, локальные общины и так далее. Обеспечить баланс политических и экономических интересов между разными «стратами» этого конгломерата (развитыми и развивающимися странами, городским и сельским населением, обеспеченными слоями общества и находящимися за чертой бедности и др.) очень сложно, так как механизмы «обратной связи» или участия в формировании соответствующей политики не предусмотрены.

В этом случае на «авансцену» выходят идеологические конструкты и идеологемы. Борьба с изменением климата становится своеобразной «новой религией», в которую нужно безоговорочно верить и которой нужно придерживаться путем присоединения к соответствующей международной деятельности (например, участвуя в саммитах типа Конференции ООН по изменению климата или COP-26 в Глазго, 2021) или совершения определенных «ритуальных» действий (в частности, принятие стратегий безуглеродного развития). В противном случае есть риск быть обвиненным в безответственном поведении и противодействии целям развития человечества. Подобное произошло при использовании Россией права вето во время голосования за резолюцию, предполагавшую включить вопросы воздействия изменения климата на ситуацию с безопас-

ностью в оценках и деятельности политических миссий и миротворческих сил ООН [Россия наложила вето ... , 2021]. Лояльность к теме изменения климата сейчас определяет степень «адекватности» тех или иных политиков и целых государств. В итоге тематика борьбы с изменением климата выходит за рамки одной конкретной идеологии и превращается в политический миф – элемент символической политики, предполагающий эмоциональное, а не рациональное восприятие, и необходимый для политической идентификации и мобилизации в формате «кто не с нами, тот против нас».

Заключение

Пандемия коронавируса, ставшая триггером для активизации дискурса о «зеленой» экономике, не вызвала радикальных экологических изменений. Сокращение выбросов парниковых газов в результате всеобщего локдауна оказалось незначительным, а последовавший компенсационный экономический рост, холодная зима и газовые споры привели к резкому подорожанию углеводородного топлива.

Не принесла пандемия и ожидавшегося единства человечества в борьбе с природными рисками. Политика принуждения к борьбе за климат, которая в настоящее время реализуется последовательно, хотя и достаточно мягкими методами, не привела к созданию целостной и внутренне непротиворечивой идейно-ценностной платформы, объединяющей страны мира для достижения общих целей.

Как показывает анализ, в России в данной сфере доминируют адаптационные, реактивные практики, которые имеют целью скорее продемонстрировать готовность следовать курсом, предлагаемым странами-лидерами, а не серьезно и системно внедрять концепции и инструменты «зеленой» экономики в актуальную государственную политику. Происходит это в том числе из-за отсутствия реальных механизмов согласования интересов в части обеспечения баланса социальных, экономических и экологических целей «зеленого» роста. Данный недостаток выработки реальной политики компенсируется идеологическим давлением и формированием политических мифов, что, на самом деле, препятствует фактическому движению в сторону «зеленой» экономики.

Список литературы

1. Бундестаг принял закон о прекращении использования угля в энергетике // РИА Новости. – 2020. – 03.07. – URL: <https://ria.ru/20200703/1573849767.html> (дата обращения: 22.12.2021).
2. Буркова Е.И. Экологическая модернизация в условиях глобализации: роль ЭкоНПО // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 8. – С. 64–71.

3. Вилисов М.В. Энергетические аспекты национальной безопасности России // Актуальные проблемы современной политологии : сборник статей сотрудников и преподавателей факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова (к 75-летию Великой Победы). – Москва, 2020. – С. 134–148.
4. Зеленая энергетика не выдержала: из-за аномальных морозов в Европе и США не хватает электричества // BFM.RU. – 2021. – 17.02. – URL: <https://bcs.bfm.ru/news/465266> (дата обращения: 22.12.2021).
5. Коданева С.И. Зеленая экономика: от осмысления содержания концепции к практике ее реализации (опыт России и зарубежных стран). – Москва : Ruscience, 2020. – 144 с.
6. Порфирьев Б.Н. «Зеленые» тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 9. – С. 5–16.
7. Предлагаемое ЕС трансграничное углеродное регулирование угрожает российской промышленности // ИПЕМ. – 2021. – 31.05. – URL: <http://www.ipem.ru/news/ipem/2128.html> (дата обращения: 25.06.2021).
8. Пятин А. Миллиардер Федун предложил создать в России систему «торговли очищенным воздухом» // Форбс. – 2020. – 24.11. – URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/414529-milliarder-fedun-predlozhit-sozdat-v-rossii-sistemu-torgovli> (дата обращения: 25.06.2021).
9. Рекордные морозы и снег оставили без света более 4 млн человек на юге США // Интерфакс. – 2021. – 16.02. – URL: <https://www.interfax.ru/world/751093> (дата обращения: 22.12.2021).
10. Россия наложила вето на проект Совбеза ООН по климату и безопасности // Ведомости. – 2021. – 13.12. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/12/13/900435-gossiya-nalozhila-veto-na-proekt-sovbeza> (дата обращения: 22.12.2021).
11. Фадеева А. KPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС // РБК. – 2020. – 07.07. – URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (дата обращения: 02.09.2021).
12. Чубайс заявил о «грубейшей ошибке» российских властей по поводу углеродного налога // Коммерсантъ. – 2021. – 16.01. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4652131> (дата обращения: 25.06.2021).
13. Vida Verde: Обратная модернизация как новый фактор инклюзивного роста / Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества» ; отв. ред. Т.Ю. Русакова. – 2020. – URL: https://centero.ru/wp-content/uploads/2020/11/Centero_Vida-Verde.pdf (дата обращения: 22.12.2021).
14. Can covid help flatten the climate curve? // The Economist. – 2020. – 21.05. – URL: <https://www.economist.com/briefing/2020/05/21/can-covid-help-flatten-the-climate-curve> (дата обращения: 22.12.2021).
15. Coal 2018: analysis and forecasts to 2023 // International Energy Agency. OECD. – 2018. – URL: <https://www.iea.org/coal2018> (дата обращения: 22.12.2021).
16. Ferguson P. The green economy agenda: business as usual or transformational discourse? // Environmental Politics. – 2015. – Vol. 24, N 1. – P. 17–37.
17. Global and Russian Energy Outlook / ed. A.A. Makarov, T.A. Mitrova, V.A. Kulagin ; ERI RAS, Moscow School of Management SKOLKOVO. – Moscow, 2019. – 210 p. – URL: https://www.eriras.ru/files/forecast_2019_en.pdf (дата обращения: 22.12.2021).

18. Hall P.A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policy-making in Britain // *Comparative Politics*. – 1993. – Vol. 25, N 3. – P. 275–296.
19. Khmel'nitskaya M. Socio-economic Development and the Politics of Expertise in Putin's Russia: The 'Hollow Paradigm' Perspective // *Europe-Asia Studies*. – 2021. – Vol. 73, N 4. – P. 625–646.
20. Kottasowa I. Climate is the only thing Russia and the US can agree on right now. That's how bad it's got // *CNN*. – 2021. – 18.07. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/07/18/world/russia-us-climate-crisis-intl-cmd/index.html> (дата обращения: 22.12.2021).
21. Lehne St. What the COVID-19 Pandemic Tells Us About Climate Change And Diplomacy // *Carnegie Europe*. – 2021. – 21.10. – URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/10/26/what-covid-19-pandemic-tells-us-about-climate-change-and-diplomacy-pub-85643> (дата обращения: 22.12.2021).
22. Mitrova T., Melnikov Yu. Energy transition in Russia // *Energy transitions*. – 2019. – N 3. – P. 73–80. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41825-019-00016-8> (дата обращения: 22.12.2021).
23. O'Leary Ch. Peak oil theory // *Britannica*. – 2013. – URL: <https://www.britannica.com/topic/peak-oil-theory> [Recuperado el 20 de septiembre 2020] (дата обращения: 22.12.2021).
24. Osborne J. Peak oil demand, a theory with many doubters // *Chron*. – 2018. – 06.03. – URL: <https://www.chron.com/business/energy/article/Peak-oil-demand-a-theory-with-many-doubters-12729734.php> (дата обращения: 22.12.2021).
25. The GeGaLo Index: Geopolitical gains and losses after energy transition / Overland I., Bazilian M., Uulu T.I., Vakulchuk R., Westphal K. // *Energy Strategy Reviews*. – 2019. – Vol. 26. – P. 1–16. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211467X19300999> (дата обращения: 22.12.2021).

Статья получена: 15.12.2021

Одобрена к публикации: 22.12.2021